

Вячеслав ЛЯМКИН

Родился в 1981 году в с. Павловске Алтайского края. Окончил Барнаульский государственный педагогический университет и Бийский техникум лесного хозяйства по специальности «техник-лесовод». Работал учителем в школе, слесарем, лесником. Технический редактор журнала «Бийский Вестник».

Печатался в журналах «Сибирские Огни», «Алтай», «Культура Алтайского края», «Бийский Вестник», «Приокские зори», «День и ночь», «Подъём». Автор книг прозы «Хмель у дороги», «К своей земле», «Конь с горы Бабырган», «За кромкой бора». Лауреат Православной литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского, и других литературных конкурсов.

Живет в Бийске.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Уже второй день за околицей у речки надрывно лаяла собака. Временами скулила.

– Опять занялась! – Костя вышел из дома на крыльцо и, подставив лицо весеннему апрельскому солнцу, прислушался.

– Может, охотничий пес зайца облаивает? – предположил сосед Андрюха, подрядившийся к Константину подсобным рабочим на его частное подворье.

– Да нет, на одном месте всё толчется. Съезди, посмотри, чего он там, – попросил Костя соседа.

Андрюха прыгнул на мотороллер, на котором возил воду для коров, и уехал. Вернулся минут через тридцать.

– Пёс там цепью намотался вокруг вербы, стоит, как цуцик трясется, весь в воде уже.

– Отвязал его? – спросил Костя.

– Я к нему, а там вода уже по верхнему льду пошла, опасно. Провалиться можно.

Костя знал, что Андрюха немного трусоват и, если дело рискованное, он не сильно разгонится.

– Вода большая? – спросил Костя.

– Прибывает. По щиколотку будет.

Костя надел резиновые сапоги, сел на мотороллер.

– Садись! – крикнул Андрюхе, поворачивая ключ зажигания. – Посмотрим, что там.

В начале деревни – длинный пологий склон. На верхушке склона – плотной стеной сосновый бор. Ветром семена разносит по округе, поэтому по склону поднимается метровая поросль сосняка, быстро набирающая силу на песчаной почве.

У подножия склона журчит речушка. В лето её можно спокойно перейти вброд – глубина максимум по колено, а вот весной она разливается, подпёртая с двух сторон пологими буграми, и, наполняясь талой водой, подтапливает огороды и сарайки.

Проехали вдоль реки. Местами берег зарос островками вербы. Лёд ещё не тронулся, не сорвался, не раскидало его по бережку, но вода уже пошла верхом, прорвав где-то выше по течению ледяной панцирь.

Выехали на пологий, чистый от кустарника бережок и сразу на противоположной стороне увидели нарушителя тишины.

Небольшой кобелёк чёрно-белого окраса сидел в воде и когда делал попытки вырваться, сорвать с себя ошейник, то заливался в каком-то пронзительном лае-визге. Когда попытка заканчивалась безуспешно, он остервенело рвался вперёд, цепь, удерживаемая кустами вербы, натягивалась, словно струна, ошейник сдавливал гортань, и пёс, отброшенный назад, заходился в хрипе.

Завидев людей, он замер, поднял уши и, вдруг сообразив, звонко залаял в надежде, что на него обратят внимание.

Костя его разглядел: белые передние лапы, на груди белый галстучек и одно белое ухо, остальное все чёрное. Хвост колечком, уши наврострил, но держался молодцом, хоть весь промок и продрог и трясся от холода. Ещё чуть потеплеет, вода прибудет, коснётся его брюха, а там к вечеру или помрёт от переохлаждения, или понесёт течением и придушит.

– Тебя как сюда занесло, дурёха? – удивился Костя, осторожно заходя в воду.

Сделал шаг, второй и вдруг почувствовал, как пошёл волной под ногами лёд. Костю бросило в жар. Шаг за шагом, прощупывая лёд ногой, стал продвигаться вперед.

Пёс замер, будто понимая – опасно. Но в следующее мгновение не вытерпел, залаял пуще, закрутился на месте, словно выюн. С каждым таким витком цепь становилась всё короче.

– Успокойся! – строжился на него Костя, почувствовав, как вода зачерпнулась в сапог. – Теперь уж не брыкайся. Раньше надо было думать.

– Осторожней, Костян! – крикнул Андрюха с берега. – Палку возьми! Вдруг бешеный. Цапнет – будут уколы в живот ставить.

– Не цапнет. По глазам вижу, умный, – ответил Костя и продвинулся ещё на пару метров.

Кобелёк заскулил, переминаясь с ноги на ногу. Уши то прижимал к голове, то поднимал. И стоять уже не мог – то и дело садился на задние лапы, а потом, собравшись с силами, дёргался, поднимая кучу брызг.

– Подожди, дурёха! – Костя продвинулся по льду ещё ближе к псу. – Скоро будешь на свободе.

И вот Костя совсем рядом. Осторожно протянул руку, чтобы погладить кобелька, но тот тихо зарычал.

– Вот так новость! Я к тебе с добром, а ты на меня рычишь. Не стыдно тебе, дружок? Смотри, я же обижусь, домой уйду.

Кобелёк вильнул хвостом и снова крутанулся на триста шестьдесят градусов вокруг своей оси.

– Ну что, будем дружить? – улыбнулся Костя.

Кобелёк натянул цепь, которая основательно намоталась за кусты, встал на задние лапы, передними уперся в ногу спасителя и дал себя погладить.

– Другое дело! Что жалуешься? Вот тебя, брат, угораздило попасть в такую передрагу. Понимаешь же, что к чему. То-то!

Костя взялся за ошейник, нащупал упавшую под воду цепь, отсоединил её от ошейника и поднял пса на руки. Кобелёк, прижав уши, весь дрожал, вода лилась с него ручьём по спине на хвост и с хвоста стекала в речку. Но пёс так и не изменил себе: повёл носом, принохиваясь к спасителю, а после, положив морду на Костино плечо, всё равно продолжал тихо рычать, как бы говоря: это вынужденная мера, а так меня на руки ещё никто не брал.

Удостоверившись, что опасности никакой и рычание у уха – это больше не рычание, а ворчание, Костя пошёл к берегу. Шаг за шагом, снова прощупывая каждый метр. До берега оставалось совсем недалеко, как вдруг почувствовал сильное колебание льда. Следом предательски слышался треск. В ту же секунду понял, что уходит вниз, на дно. Благо в этом месте по пояс. Но и этого хватило, чтобы вся одежда промокла насквозь. Тело обожгло ледяной водой, и ноги начали неметь от холода. Пришлось поставить кобелька на лёд, чтобы освободить руки. Дурёха рванул по воде на сушу, на берегу отряхнулся, посмотрел на Андриюху, потом на своего спасителя и метнулся в сторону деревни, скрывшись за косогором.

Пару раз Костя пытался вылезти на крепкий лёд, но край обламывался. На третий раз получилось. Когда выбрался из воды, его трясло, как того кобелька. Андрияха, чтобы не быть совсем безучастным, скинул с себя куртку, накинул на Костю:

– Лишь бы воспаление сейчас не схватить! – заметил он, помогая Косте стягивать сапоги.

– Лёд совсем тонкий! – немного отойдя, сказал Костя и кивнул Андриюхе, чтобы тот садился за руль.

Дома Костя переоделся, заварил горячего чая с мёдом, погрел ноги в тазике с горячей водой.

Андрияха крутился рядом.

– Стопарик самогона с перцем нужно обязательно бахнуть, – давал он «народные» советы.

Но Костя был категоричен:

– Сейчас лесник приедет, нужно будет в лесхоз сгонять, горбыль деловой выписать. Нынче пару загонов нужно ещё сделать.

Вскоре приехал лесник Серпянов, да не один – по пути подобрал бригаду вальщиков. Мужики вышли покурить. Костя их уже ждал и, пока стояли, рассказал о сегодняшнем приключении. За беседой не заметили, как из-за дома выглядывала любопытная чёрно-белая мордаха. Кобелёк метнулся к Косте, но, испугавшись незнакомых людей, убежал.

А потом и вовсе лёг у крыльца и стал ждать своего спасителя.

Но Костя вечером так и не приехал. Ему позвонил старший брат Серега, работающий на КамАЗе, и сказал, что сломался у села Мамонтово. И Костя, заехав в магазин и купив нужные запчасти, повёз ему.

Пока был в дороге, звонила жена, которая была уже в курсе сегодняшнего случая.

– Тут тебя ждут. Скребёт лапой по крыльцу, скулит. Сядет у крыльца и смотрит на дверь, – рассказывала она.

Костя улыбнулся, вспомнив, как спасал бедолагу.

Всю ночь они провозились с КамАЗом. К утру починили. Только в обед Костя приехал домой. Андрияха управлялся во дворе, и Костя, крикнув ему, что приехал, завалился спать.

Проснулся ближе к вечеру. Андрюха уже собирался домой.

– Настырный какой! Ждет тебя не дожждётся, – сказал он. – Прибежит, сядет у крылечка и скулит. Так раза четыре на дню. Ничего не ест. Понюхает, и всё. Только недавно убежал.

Костя успел немного перекусить и выпить чаю, как у дома раздался звонкий лай. Костя оделся и вышел на крыльцо. Дурёха кинулся к нему в ноги, заластился, завиллял хвостом, поднялся на задние лапы и облизал Костю своим тёплым шершавым языком. Костя присел на ступеньки, потрепал кобелька по загривку.

– Ну что, дождался? Отблагодарить пришел, дурёха. Знаю.

В ответ кобельк лизнул Костю в нос и прижался к нему, затем положил морду на его плечо и закрыл глаза. Костя заулыбался и, глядя его по жёсткой чёрно-белой шкуре, думал: «Такие искренние, такие настоящие, без подделки бывают только дети и животные». Кобелёк снова лизнул Костю в щёку. Косте показалось, что у «дурёхи» человеческие глаза. Так смотреть на него мог только человек.

Так они просидели минут десять. Потом «дурёха» вырвался из Костиных объятий, озорно сделал забег вокруг дома и снова остановился напротив Кости. Смотрел на него своими серо-голубыми глазами доверчиво, с благодарностью. Понимал своим собачьим умом, что бы произошло, если бы Костя его не спас, потому и благодарил. И мог это сделать только по-собачьи. Покрутился у ног, ещё раз облизал Косте руки и, заглянув на прощанье в глаза спасителю, наконец-то сорвался с места...

Остановился только на взгорке, перед молодым пушистым сосняком, оглянулся и звонко залаял. Прощался. Костя помахал ему рукой. «Дурёха» завиллял хвостом и исчез из виду.

Больше Костя его не видел, так как у «дурёхи» был хозяин и он хозяину был предан по-собачьи...